

**Казус Бэлы: историософия антропологии
в романе М. Ю. Лермонтова
«Герой нашего времени»**

М. А. Дмитровская

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. КАНТА
КАЛИНИНГРАД

Аннотация. Рассматривается понятийная система романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Показано, что раздвоенность сознания Печорина персонифицируется и может порождать множество персонажей, находящихся в состоянии конфликта. Их противостояние на уровне глубинной семантики представлено как война и ведение боевых действий. Антропология и историософия у Лермонтова тесно связаны. Существующие в романе отсылки к великим полководцам, историческим событиям и Кавказской войне позволяют реконструировать прототипическую историческую модель, в которой связаны воедино противоположные смыслы войны и мира, жизни и смерти, границы и ее пересечения. Эта модель также способствует прояснению соотношения личного и исторического времени и определению календаря, по которому происходит отсчет времени. Само название романа «Герой нашего времени» может интерпретироваться различными способами.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, роман «Герой нашего времени», проблема сознания, двойничество, антропология, историософия, проблема времени, понятийная система, имя собственное, мультиязыковой код, языковая игра, анаграмма.

УДК 82-3

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-271-299

Дмитровская М. А. Казус Бэлы: историософия антропологии в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 271–299.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 2
© М. А. Дмитровская, 2018

Контактная информация: Дмитриевская Мария Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Балтийского Федерального университета им. И. Канта (ул. А. Невского, 14, Калининград, 236041, Россия, dmitrovskayama@yandex.ru)

Мне 25 лет, недостает войны.

А. П. Ермолов

Предисловие

Хронотоп романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840) связан с одной из Кавказских войн, которые вела Россия в XIX в. Однако в романе нигде прямо не говорится об участии Печорина в военных действиях. Читатель верит писателю на слово: Печорин традиционно воспринимается как боевой офицер. «Что он Вам рассказывал? <...> верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?» [Лермонтов, 1957, с. 274)¹, – спрашивает княжна Мери, уязвленная невниманием Печорина. Здесь звучит ирония, хотя иронизировать над подвигами трудно. Отказавшись от изображения военных действий, Лермонтов поставил Печорина под удар: нападки на героя и произведение в целом были пропорциональны диссонансу между названием романа и его содержанием, а ведь описание храбрости Печорина в бою могло хотя бы отчасти сбалансировать ситуацию. Однако Лермонтов не пошел на это сознательно. Почему?

Иду на / в АЗЪ

Начиная со статьи Н. Г. Чернышевского о ранних повестях и рассказах Л. Н. Толстого, общепризнанной стала мысль о Лермонтове как основателе психологического направления в русской литературе [Чернышевский, 1947, с. 423]. Однако следует подчеркнуть, что в романе «Герой нашего времени» не просто изображается внутренняя жизнь Печорина, но и присутствует рефлексия над феноменом человеческого сознания и структурой психики. В явном виде это осуществляет сам Печорин. Он говорит о себе:

Из жизненной бури я вынес только несколько идей – и ни одного чувства. Я давно уж живу *не сердцем, а головою*. Я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия.

¹ Далее роман «Герой нашего времени» цитируется по указанному изданию с указанием страниц в круглых скобках в тексте статьи. Курсив в цитатах везде наш.

Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его... (с. 324).

Разделение эмоционального и ментального начал выражается в романе в противопоставлении *сердца* (как органа чувств) и *головы / ума / рассудка*, что принимает форму раздвоения «я» и персонифицируется в виде двух человек, находящихся в отношениях внутреннего конфликта. У Печорина, как и у Чацкого, «ум с сердцем не в ладу» [Грибоедов, 1995, с. 30]. Но Лермонтов перевел рассмотрение проблемы «горе от ума» в философско-психологический план, и фигура Печорина приобрела поистине трагическое измерение. Печорин борется со своим «я» как с судьбой, роком, но в силу неразрешимости глубинного антропологического конфликта обречен на поражение. «...никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя *в противном*» (с. 333), – пишет Печорину в прощальном письме Вера.

Л. В. Пумпянский говорит об особой антропологической гениальности Печорина:

Человек – как поле незаконченной борьбы – вот где приоритет Печорина и передовое его перед нами значение. Печорин – страдающее существо, потому что через него совершается движение человеческого типа: совершенствуется человек: он то же в антропологии, что великий писатель – реформатор – политический деятель – правитель – в соответствующих областях; он антропологически гениален, здесь он реформатор, правитель, создатель нового» [Пумпянский, 2000, с. 640].

Сама фамилия *Печорин* содержит отмеченные выше смыслы. Она связана со словом *печора* ‘пещера’ (др.-русс. печера, ст.-сл. **пецера**). Ж. Силады и Л. Геллер, отмечая эту этимологию, говорят о связи фамилии героя с семантикой смерти [Силады, 1995, с. 58; Геллер, 1999]. На это же может работать и анаграмматичность слов *печера* и *череп*. Одновременно семантика черепа и пещеры соотносится с представлением о голове как вместилище мозга и о глубине погружения в себя. Слова *печера* и *череп* анаграмматичны корню *переч-* / *перек-*. Страсть Печорина *противоречить* близка к страсти перечить. Самим Печориным она сначала описывается как *противоречия сердцу или рассудку*, а потом как общение с людьми – энтузиастом и флегматиком, заставляющее его занимать каждый раз противоположную позицию:

У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий *сердцу или рассудку*. Присутствие *энтузиаста* обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым *флегматиком* сделали бы из меня страстного мечтателя (с. 267).

Персонажи романа «Герой нашего времени» являются результатом раздвоения «я» Печорина, где каждый член «двойчатки», представленный в виде человека, а следовательно, тоже наделенный чувствами и сознанием, может продолжить деление надвое, делая его бесконечным и порождая бесконечное множество людей. Все персонажи романа являются двойниками. Этот тезис нуждается в пояснении, поскольку, на первый взгляд, кажется, что, помимо пары Печорин – Грушницкий, явных двойников в романе нет. Обязательными признаками, обеспечивающими приравнивание и отождествление, являются два – они же основные у Печорина: 1) противопоставленность ума и сердца; 2) межличностное противостояние, борьба, часто скрытая под видимостью мира.

У Лермонтова война интериоризируется и отождествляется с внутренней борьбой между двумя инстанциями человеческой психики. Экстериоризация же, порождающая множество антагонистов, в романе оставляет всё, имеющее отношение к войне и реальным боевым действиям, на уровне глубинной семантики. Л. Н. Толстой в рассказе «Севастополь в мае» (1855), говоря о бессмысленности войны, предлагает свести противостояние враждующих армий до борьбы двух человек – по одному от каждой армии. Тем самым Толстой, говоря о войне явно, осуществляет операцию свертки двух множеств до находящейся в состоянии антагонизма «двойчатки». Лермонтов же исходно осуществляет противоположную операцию развертки, создавая из раздвоенного «я» множество воюющих, но оставляя войну на уровне кода. Когда множество порождено, то к нему могут быть применены различные операции. Лермонтов не пишет о войне и не описывает участие Печорина в боевых действиях открыто, – это сделано скрыто.

Роман Лермонтова содержит глобальный антропологический проект, направленный на поиски решения проблемы человеческого сознания. Лермонтов берет потенциальные возможности в их предельном варианте, и они принимают гротескно-утопический характер. Все события романа связаны с повторяющимися попытками найти выход из тупика сознания, и все события на уровне глубинной семантики связаны с войной или ее временным отсутствием. Происходит экстраполяция личностного конфликта раздвоенного «я» на историю, которая есть история войн: историософия встраивается в понятийную систему романа, являясь оборотной стороной антропологии. Кавказская война, которая составляет фон романа, формирует ближайший базис для соположения антропологии и истории. Но для постановки и освещения проблемы в ее развернутом виде рамки Кавказской войны были недостаточными, поэтому она и не выведена в фокус повествования. Главный вопрос – как достичь гармонии и *мира* между частями враждующего «я». Обращаясь через упоминание выдающихся полководцев к событиям всемирной истории и увязывая их с сюже-

том романа, Лермонтов показывает, что чаемый *мир* предполагает ведение войны, направленной на завоевание *мира*. Но мировая история не знает успешных примеров такого рода – поэтому наделенный сознанием человек обречен, и война будет продолжаться.

Важным понятием системы, позволяющим провести параллель между раздвоением «я» и ведением войны, является представление о *границе*, которая маркирует разделение «я» на два человека и – одновременно – разделение территорий: двойственность человеческого сознания проецируется на топографию. В обоих случаях действует принцип зеркальности, который формирует оппозицию «свой – чужой», сохраняя при этом тождественность противопоставленных сущностей (для двойников идеальный случай – братья-близнецы). Ведение войны предполагает пере-сечение границы и *отражение* захватчика. В художественной системе романа на уровне антропологии этому соответствует уничтожение двойника, которое сопрягается с его телесным рас-сечением: если «я» раздвоено, то и тело должно разделиться: *сечение* должно пройти через *голову* и *сердце* (*грудь*), – органы мысли и чувства, обеспечивающие раздвоение человеческого сознания. Тем самым виртуальная граница между частями раздвоенного «я» материализуется и окрашивается кровью, как и пере-сечение границы между разными территориями. В силу зеркальности гибель одного из двойников всегда означает и гибель другого. То же с войсками и территориями.

Понятийное ядро включает в себя прототипическую историческую модель. В каждой из повестей она получает индивидуальную сюжетную и языковую развертку, но все повести сводимы к единому смысловому инварианту. Обращение Лермонтова к истории задано требованиями художественной системы, нацеленной на поиск образно-смысловых средств репрезентации того, что можно назвать глубинным «антропологическим конфликтом».

В статье будут рассмотрены писательские стратегии, работающие на формирование и репрезентацию понятийной системы романа. Основу исследования составит изучение семантических потенций номинаций центральных персонажей, включая имена собственные, анализ мотивной структуры и сюжетных линий романа. Особое внимание обратим на детали повествования и язык описания. Продемонстрируем использование Лермонтовым мультязыкового кода, увеличивающего возможности языкового выражения центральных смыслов.

Герой

Ряд персонажей в «Герое нашего времени» носят имена, уже использованные Лермонтовым в его предыдущих произведениях. Это говорит о неслучайности их изначального выбора, предполагает рефлексию над

ними и разработку их семантики. Так, гвардейский офицер с именем *Григорий Александрович Печорин* впервые появляется в романе «Княгиня Лиговская» (1836). Родные зовут его «просто *Жорж*, на французский лад» [Лермонтов, 1957, с. 124]. Отметим, однако, что фр. *Жорж (Georges)* соответствует русскому *Георгий*, а не *Григорий*. В русском языке эти имена в силу паронимичности часто смешиваются. Имя *Георгий* активизирует представление о *Георгии Победоносце (Егории Храбром)*, которое соответствует военному поприщу героя. В романе «Герой нашего времени» *Григорий Александрович Печорин* – потенциальный *Георгий* или *Егор*. Имя и отчество Печорина (*Александр* – с др.-греч. ‘защитник мужей’) корреспондируют с характеризующей номинацией *герой* в названии романа. Не случайным является рассуждение Печорина в «Княжне Мери», в котором он примеряет к себе разные роли: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как *Александр Великий* или *лорд Байрон*, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..» (с. 301). Имена разделенных во времени и пространстве, но соединенных мыслью Печорина *Александра Македонского* и *Джорджа Гордона Байрона* в сумме дают *Александра-Григория (Джорджа, Георгия)* – зеркальное отображение *Григория Александровича Печорина* – единого и одновременно разделенного на два человека.

Слово *герой* (нашего времени), являясь анаграммой имени *Егор*, приращивает военные и победные коннотации. Семантика войны усиливается при учете межъязыковой паронимии русск. *герой* и ит., исп. *guerra*, фр. *guerre* ‘война’. Имя *Григорий*, особенно в форме предложного падежа о *Григории*, анаграмматически раздваивается, причем возникают четыре разных возможности: *герой-герой*, *guerra-guerra* ‘война-война’, *герой-guerra*, *guerra-герой*. *Герой* и *война*, которую он ведет против себя, соответствует рассечению героя на два человека. *Григорий* целостен и одновременно состоит из двух *героев*. Тожественность каждого из *героев* войне (*guerra*) продолжает процесс дробления и увеличения количества героев, каждый из которых воюет с собой. Таким образом, Григорий Печорин – герой и победитель как в военном, так и в психологическом смысле. Но это Пиррова победа: побеждая себя, он одновременно становится своей жертвой.

В романе «Герой нашего времени» три повести из пяти названы именами персонажей – «Бэла», «Максим Максимыч», «Княжна Мери». Эти имена отражают понятийную структуру романа и одновременно формируют и усиливают ее.

Бэла

Роман не случайно открывается повестью с названием «Бэла». Имя девушки, ставшей жертвой переменчивого Печорина, одновременно задает

скрытое звучание темы войны. Имя *Бэла* производно от лат. *bellus*, -a, -um 'милый, приятный, прелестный'. В форме ср. р. это прилагательное является омонимом лат. *bellum* 'война', 'борьба', 'сражение'. В форме мн. ч. слово *bella*, совпадающее с именем героини, имеет также значение 'войска'. Первая повесть романа – это *casus belli* – лат. 'повод для объявления войны', он же *казус Бэлы*. Сходство лат. *casus* 'случай' и – при редупликации первого слога – англ. *Caucasus* 'Кавказ' – позволяет усмотреть одновременную проекцию героини на место, где происходят война и действие романа. *Caucasus Бэлы* – это и Кавказ Бэлы, и Кавказская война. *Бэла* как *bellum* 'война' и Печорин как *герой*, *Егор* и одновременно *guerra* 'война' являются двойниками.

Описание отношений Печорина с Бэлой построено на развертывании метафоры «любовь – это война». История *покорения Бэлы* – история Кавказской войны. Печорин разнообразными способами пытается *завоевать* девушку (хотя она уже является его *пленницей*), но наталкивается на *стойкое сопротивление*. *Сломить его* Печорину удастся, когда он инсценирует свой уход на войну. Его театр – это, собственно, *театр военных действий*:

Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! – сказал он: – ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: – прощай! <...> прощай, я еду – куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня» (с. 221).

Бэла бросается на шею Печорину. Но на какую войну собирается отправиться Печорин в обличье черкеса? У Печорина своя война – Бэла (*bellum*) – проекция его войны с самим собой. Он сам как русский и одновременно черкес представляет две противоборствующие стороны в Кавказской войне и одновременно две конфликтующие стороны своего я.

Тему Печорина как черкеса, которая получает дальнейшее развитие в повести «Княжна Мери», Ж. Силади справедливо связывает с «двойным “я”» Печорина и с оппозицией *восточный мир – западный мир* [Силади, 1995, с. 59–60]. Необходимо, однако, отметить, что во всех случаях, когда в «Княжне Мери» Печорин появляется в облачении черкеса на своем черкесском коне, он действительно воспринимается как черкес, т. е. как принадлежащий стану противника и несущий угрозу. Он задает неразрешимую задачу казакам на сторожевых вышках и пугает своим появлением возвращающуюся с прогулки княжну Мери. Грушницкий и драгунский капитан, подкарауливающие ночью Печорина около дома Веры и княжны Мери и пытающиеся его поймать, сначала говорят о нападении черкесов. Когда же Грушницкий открывает, что на самом деле это были не черкесы, а Печорин, якобы навещавший княжну, это становится причиной ду-

эли. Недаром Печорин уже на дуэли призывает Грушницкого отказаться от «своей клеветы» (с. 325, 330). Не только Печорин – черкес, конь у него тоже Черкес. В «Княжне Мери» Кавказская война обнаруживает свое явное присутствие в том числе и с помощью черкеса Печорина.

Pro et contra

Нарушение хронологической последовательности в описании событий, изощренность композиции и множественность повествовательных инстанций отмечается всеми исследователями романа (см.: [Эйхенбаум, 1924, с. 147–156] и др.). Но зададимся вопросом: почему Печорин не написал повесть «Бэла» сам? Почему о Бэле рассказывает Максим Максимыч, будто зная, что про Бэлу ничего нет в тетрадах Печорина? В Журнале Печорина повесть «Бэла» могла бы быть третьей после «Тамани» и «Княжны Мери» или же последней, после «Фаталиста». «Бэла», открывающая роман, могла бы завершать его, будь она написана Печориным. Бэла, т. е. война, перетекает в саму себя, движется по кругу, бесконечно воспроизводится, подобно работе человеческого сознания – с постоянным возвратом к себе и войной с самим собой.

На первый взгляд отсутствие повести «Бэла» в Журнале Печорина объясняется травматичностью пережитого героем: Максим Максимыч замечает: «...никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что ему будет неприятно...» (с. 237). Тогда следует признать неожиданную для Печорина победу морального чувства: в «Княжне Мери», хронологически предшествующей «Бэле», Печорин не побоялся выставить себя безжалостным циником. Как кажется, запрет имеет не собственно психологическую природу, а мотивирован языковым кодом, который и определяет внутритекстовые отношения. Печорин не только не говорит, но и не пишет *про Бэлу*: в Журнале Печорина – значимое зияние, соответствующее *пробелу*. Игровое тождество *про Бэлу* = *пробелу* объясняет установки Печорина. Здесь возникает парадокс: глухо молча *про войну* и *про Бэлу*, оставляя здесь *пробел*, Печорин тем самым одновременно постоянно говорит и пишет *про Бэлу*, т. е. *pro bellum*, где он воюет по обе стороны своего *я*. В этом у нас еще будет случай убедиться.

Что не так с его временем?

В романе есть и другие *пробелы*, связанные с нестыковками во времени. В Предисловии к Журналу Печорину издатель (он же странствующий офицер) отмечает, что «поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе...» (с. 249). Но это *всё*, написанное Печориным о Кавказе. «Тамань» – первая повесть Печорина. Он едет «в действующий отряд по казенной надобности» (с. 249). Время действия – поздняя весна или лето. В конце повести Печорин покидает Тамань.

Когда он пишет повесть? В действующем отряде? Сколько времени он там проводит, сколько времени воюет? В «Княжне Мери» о его пребывании в отряде мы знаем только, что Грушницкий бросался на противника, зажмурив глаза. Из этого по умолчанию следует, что Печорин всегда смотрел опасности в лицо. Но умолчание слишком велико. Как только Печорин из отряда прибывает на отдых в Пятигорск (и далее в Кисловодск), время приобретает точную фиксацию – «Княжна Мери» представляет собой дневник, где первая запись датирована 11 мая, последняя – 16 июня. Время действия в «Тамани» и «Княжне Мэри» совпадает по сезону. Это возможно вследствие двух причин: или Печорин пробыл в отряде около года (двух, трех...), или он не был там совсем, переместившись из Тамани прямо в Пятигорск, в котором, собственно, и находится «действующий отряд». Последняя запись Печорина от 16 июня охватывает приготовления к дуэли, саму дуэль и последовавшие за ними события. 19 июня он покидает Кисловодск, «получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость N» (с. 335). Его мчит «курьерская тройка» (с. 338). Когда он прибывает к месту назначения?

«Княжну Мери» замыкает описание событий, связанных с дуэлью, сделанная Печориным уже в крепости. Печорин сообщает сведения, имеющие отношения к установлению времени записи:

Вот уже полтора месяца, как я в крепости N; <...> серые тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном. Холодно, ветер свищет и колеблет ставни. Скучно. Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями (с. 322).

Судя по описанию, это поздняя осень, а в крепости он только полтора месяца. Описывая дуэль, Печорин не ставит новую дату, а продолжает запись от 16 июня. Свершившееся перемещение из Кисловодска в крепость затемняет вопрос, как долго он ехал до места назначения. Между тем в начале романа, в повести «Бэла», Максим Максимыч рассказывает о появлении Печорина в крепости и называет время – осень:

<...> я тогда стоял в крепости за Теремом с ротой – этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти (с. 208).

Итак, выехав 19 июня на курьерской тройке из Кисловодска в крепость, Печорин достиг ее осенью. Где он находился несколько месяцев? Читаем дальше:

Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой

новенький, что я тотчас догадался, что *он на Кавказе у нас недавно*. «Вы верно, – спросил я его: – *переведены сюда из России?*» – «Точно так, господин штабс-капитан», – отвечал он (с. 208–209).

Описание свежего офицера, почти юноши, только что из России, противоречит тому, что Печорин уже воевал в действующем отряде на Кавказе. Но, появившись в крепости новичком, он после охлаждения к Бэле в объяснении с Максимом Максимычем ссылается на свой кавказский военный опыт. Где он его приобрел?

Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, – и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду (с. 232).

В рассказе Печорина война с чеченцами плавно переходит в появление Бэлы (*bellum*) и, следовательно, продолжается. Скука на время отступает.

Итак, когда Печорина перевели из России на Кавказ? Куда его умчала тройка из Кисловодска? Где и когда свистели чеченские пули? Казалось бы, нестыковки между «Бэлой» и «Княжной Мери» могут быть объяснены тем, что повесть «Бэла» намечалась первой в серии повестей – она была напечатана первой в журнале «Отечественные записки» (март 1839, т. 2, № 3), и это подтолкнуло Лермонтова к изображению Печорина новичком на Кавказе. Но почему писатель не скорректировал это при подготовке книги в печать («Княжна Мери» впервые была опубликована в составе книги)? Невнимательность должна быть исключена. В любом случае, это свидетельствует о том, что реальная военная служба Печорина не имела для Лермонтова принципиального значения. Но причину нестыковки во времени «Княжны Мери» и «Бэлы» нам еще предстоит выяснить.

Максим Максимыч

В образе Максима Максимыча идеально соединяются антропологическая и военная составляющие.

Максим Максимыч – офицер, много лет проведенный на Кавказе. Он человек сердца и составляет с Печориным контрастную пару. Повесть «Фаталист» и роман в целом заканчиваются словами Печорина: «Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений» (с. 347). Тем самым фигура Максима Максимыча наделяется особой значимостью. *Прение* из ст.-сл. *пърѣние* ‘спор’ от *пърѣти* ‘спорить’, ср. также *спор*, *соперник* [Шанский, Боброва 2004]. Максим Максимыч в паре с Печориным воплощают борьбу крайних полюсов – сердечности и холод-

ного ума. Дублирование имени и отчества Максима Максимыча связано с фундаментальными максимами романа – раздвоением и двойничеством.

Об участии Максима Максимыча в военных действиях тоже ничего не сообщается, хотя он начинал служить еще при Ермолове и явно имеет большой военный опыт. Но приглядимся – именно он рассказывает *про Бэлу* (про войну), и после рассказа о ней ему уже нечего сообщить странствующему офицеру: «Мы молчали. Об чем было нам говорить?... *Он уж рассказал мне об себе всё, что было занимательного...*» (с. 239). *Бэла-bellum-война* – это всё, что было, есть и будет у Максима Максимыча, это и есть он сам.

Имя *Максим* – от лат. *maximus* – superl. к *magnus* ‘большой, крупный; значительный, многочисленный’. Этимологическое значение может работать на усиление этической оценки персонажа и на увеличение множества. Оно также взаимодействует с номинацией *Александр Великий*, связанной с Печориным. Если Александр просто *Великий* (лат. *Alexander Magnus*), то Максим Максимыч – *Величайший из Величайших*. В пользу военной семантики говорят также игровые возможности имени. Лат. *maximus* графически и паронимически сходно с др.-греч. μάχιμος ‘воинственный’, в форме мн. ч. – ‘воины, войско действительное или строевое’ (от μάχη – ‘битва, бой’), ср. лат. *bella* ‘войска’. Др.-греч. μάχη ‘спор, ссора’ развивает значение, относящееся к логике, – ‘противоречие, несовместимость’ [Liddell, Scott, 1889; 1940]. Перекодировка в романе военных смыслов в план человеческого противостояния и несовместимости воззрений совпадает с возможностями, содержащимися в языке.

Вместе с тем в романе использован и обратный ход – когда свое сердечное движение, вызванное красотой пейзажа, сам Максим Максимыч отождествляет с биением сердца под пулями:

– *Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам?* – сказал я ему.

– *Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.*

– *Я слышал, напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.*

– *Разумеется, если хотите, оно и приятно; только всё же потому, что сердце бьется сильнее.* Посмотрите, – прибавил он, указывая на восток: – *что за край!* (с. 224).

Но у Максима Максимыча не только чувствительное и одновременно отважное сердце. Его воинское звание – штабс-капитан – отсылает к лат. *caput* – ‘голова’. Эта этимология помогает также понять, почему, не найдя поддержки у рационального Печорина, чувствительный Грушницкий сближается с драгунским капитаном, с которым действует заодно.

Повесть «Княжна Мери» заканчивается размышлением Печорина о том, что он не выдержал бы душевного спокойствия, которое мог бы дать ему брак: «Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его *душа* сжилась с бурями и битвами... (с. 338). Разбой и битвы – это похоже на войну. Матрос, вероятно, сам себе команда и сам себе *капитан*. Оказавшись на берегу, он ждет появления брига на горизонте, ведомого, вероятно, его двойником. В нем два человека. Он сам себе *голова*.

Contra банда

В повести «Тамань» семантика противостояния, совмещенная с увеличением количества антагонистов, поддерживается родом деятельности «честных контрабандистов» (с. 260). Их трое – слепой мальчик, «ундина» и Янко. Они занимаются контрабандой. Слово *контрабанда* игровым образом раскладывается на лат. *contra* + *банда* ‘толпа, шайка’. Контрабандисты, будучи *contra бандой*, противостоят Печорину как банде. Действительно, Печорин приезжает в Тамань не один, а с денщиком – казаком. А Тамань... Печорин – *genius loci* этого городка, он – *атаман*. Казак спит, служба идет. Поскольку Печорин воспринимается контрабандистами как угроза, то в их глазах противостоит им как банде и является *contra бандой* (слепой мальчик, обокравший его, лишив холодного оружия, совершает метонимическое приравнивание Печорина к контрабандному товару). В трансформированном виде семантика *contra банды* получит развитие в «Княжне Мери», где на Печорина ополчается «враждебная *шайка* под командой Грушницкого» (с. 304).

Мери

Повесть «Княжна Мери» названа именем главной героини. Княгиня Лиговская называет дочь «на английский манер» (с. 265): Мери образованна, она «читала Байрона по-английски» (с. 272). Англ. *Mary* – точная анаграмма англ. *army* ‘армия’, которое, в свою очередь, фонетически близко фр. *ami*, *amis* ‘друг’, ‘друзья’ (с меной ударения). В русск. *друг* важно этимологическое значение ‘другой’, ‘второй’. Русский вариант имени *Мария* – тоже точная анаграмма слова *армия*, но без возможности актуализировать представление о *другом*. Друзей у Печорина нет: он долго рассуждает о том, что не способен к дружбе, поэтому даже доктора Вернера называет не другом, а приятелем. В повести «Княжна Мери» Печорин вступает во взаимодействие со многими *другими*, причем с княжной Мери и Грушницким искусно создает «любовный треугольник» – само имя Мери (*army*) задает увеличение мощности множества. Взаимосвязь Мери и армии поддерживается тем, что «Княжна Мери» – единственная повесть в романе, где встречаются производные от слова *армия* (5 раз): *армейцы*

(с. 265), *кавказский армеец* (с. 268), *армейские эполеты* (с. 261), *армейский пехотный мундир* (с. 295, 300).

Мери-армия тождественна Бэле (*bella* 'войска'). Как и с Бэлой, Печорин выстраивает отношения с княжной Мери по принципу противостояния и описывает их с привлечением военных метафор: «Княжна хочет проповедовать против меня *ополчение...*» (с. 275); «... и если вы мне объявите войну, то я буду *беспощаден*» (с. 291). Печорин продолжает вести тайную войну, даже когда *нейтрализует угрозу*.

Скрытые вибрации и переходы между войной и миром обеспечиваются в повести анаграмматичностью имени *Mary* не только англ. *army* 'армия', но и слову *миръ*. В других повестях это сделано более явно. В «Бэле» дочь «мирного князя» (с. 208, 209) является войной (*Бэлой, bellum*), а в «Тамани» Печорин, попав в «мирный круг честных контрабандистов» (с. 260), рискует жизнью в борьбе с «ундиной» ночью во время морской прогулки.

Фуражка и шинель

Б. Эйхенбаум говорит о «вторичности» фигуры Грушницкого по отношению к Печорину и в качестве доказательства приводит тот факт, что

оба они говорят одну и ту же фразу. В первой записи Печорин говорит о женах местных властей, что они привыкли на Кавказе встречать «*под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум*». Немного ниже (в той же записи) Грушницкий в разговоре с Печориным говорит о знати: «Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли *ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?*» Диалог строится по системе Марлинского, в виде цепи каламбуров и острот, но Лермонтов, сжимая его, делает быстрым и коротким, не развивая особой игры слов [Эйхенбаум, 1924, с. 155].

П. Вайль и А. Генис характеризуют эти слова Грушницкого как «излияния пошляка» и отмечают в связи с этим, что «пока Печорин участвует в им же придуманной драме, его не так просто отличить от других персонажей». Во фразе Печорина «вся разница, что пуговица поменялась местами с фуражкой», причем «один только пытается острить, а другой острит блестяще» [Вайль, Генис, 1991].

На самом деле реплики героев не случайны, не пошлы и отнюдь не банальны: они имеют отношение к раздвоенности человеческого «я». В каждой фразе отмечены скрытые под военной фуражкой ум, а под шинелью сердце как органы мысли и чувства. О *вторичности* Грушницкого можно говорить только как о результате *двоения* «я». Имена Печорина и Грушницкого сходны. Печорин – Григорий, т. е. *Гриша*, а в фамилии Грушницкого корень *груш(a)*. Номинации *Гриша* и *груша* различаются только тем,

что в одной «и», а в другой – «и-грек». Грушницкий носит «солдатский *георгиевский* крестик» (с. 262). В системе явных и скрытых ключевых номинаций в романе это – знак того, что он *Георгий, Григорий, Егор, герой, guerra, bellum* ‘война’, Бэла. Хотя высказывание Грушницкого о фуражке и шинели в тексте следует за размышлениями Печорина, хронологическая последовательность противоположная: сначала Грушницкий говорит фразу при встрече, потом Печорин делает дневниковую запись, куда вставляет собственные размышления на эту же тему. Не были ли они инспирированы словами Грушницкого? Кто здесь *вторичен*?

Между словами Печорина и Грушницкого, при внешнем сходстве, есть принципиальные различия. Высказывания даны в зеркальном отражении, где признаки нумерованности фуражки и пуговицы меняются местами (отмечено П. Вайлем и А. Генисом), как и сами герои. Печорин и Грушницкий делают акцент не на своих отличительных свойствах, а на характерных особенностях *другого*. Обладатель аналитического ума, Печорин пишет о «пылком сердце» «под нумерованной пуговицей» и об «образованном уме» под фуражкой, опуская ее нумерованность (с. 261), а выспренный в чувствах Грушницкий отмечает «ум под нумерованной фуражкой», а о пуговице не говорит вообще, ограничиваясь общим указанием на шинель и сердце под ней (с. 265).

Эти парные высказывания, отражающие раздвоенность персонажей, в сумме дают целостную картину военного «человека вообще», а признак нумерованности, поддерживающий представление о счете, служит средством увеличения мощности множества от единичности до двоичности и далее до *армии*.

Представленное в двух высказываниях героев развертывание множества из единичности дано в обратном сведении к единичности в обращенных к Грушницкому словах Печорина о том, что его романтическое увлечение княжной Мери обречено. Таким образом, высказываний на означенную тему не два, а три. Печорин при этом не упоминает фуражку и ум (нижняя часть головы слегка намечена гипотетическим поцелуем), а говорит только о шинели с указанием на сердце, дублируя слова Грушницкого:

Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью <...> если *две минуты* сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно <...> Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее *первый* поцелуй не даст тебе права на *второй*; она с тобою накокетничается вдоволь, а *года через два* выдет замуж за уроды, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она *одного только человека* и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была *солдатская шинель, хотя под этой толстой, серой шинелью билось сердце страстное и благородное...* (с. 276–277).

Нумерованная пуговица отсутствует – она не нужна, когда счет колеблется только между *одним* и *двумя* («две минуты», «первый поцелуй... второй», «года через два») и останавливается в итоге на единичном: «одного только человека и любила, то есть тебя». Однако это мнимая единичность: 2-е лицо местоимения (*ты, тебе, тебя*) заменяется 3-м: «с ним», «на нём».

Далее развитие этого смыслового узла продолжается в педалировании темы солдатской шинели Грушницкого. Но при постоянном упоминании шинели ни разу не говорится о фуражке, – Печорин явно считает его *безголовым*². Грушницкий ждет производства в офицеры и возлагает большие надежды на новую форму: с ее помощью он хочет *покорить* и *завоевать сердце* княжны Мери (*арту*).

Рассуждения Печорина и Грушницкого о фуражке и шинели являются важнейшими в структуре романа: это смысловой центр, в соответствии с которым разворачиваются последующие события.

Сразить наповал: Грушницкий у зеркала Печорина

Грушницкий заходит к Печорину перед балом «в полном сиянии армейского пехотного мундира» (с. 300). Сразу отмечена *третья пуговица*, на которой цепочка с лорнетом. Третья пуговица находится в области *груди* и указывает *на сердце*. Далее наконец-то появляется фуражка. Грушницкий, держа в левой руке перчатки и фуражку, правой *взбивает завитый хохол*. Таким образом, полюс *головы (ума)* маркирован не фуражкой, а другим способом. Грушницкий кладет перчатки и фуражку на стол и начинает поправлять мундир перед зеркалом.

Эта сцена чрезвычайно важна: в ней Лермонтов опробует два способа порождения двойников: явно – через зеркальное отражение, и скрыто – через рассечение Грушницкого. Сечение должно проходить через голову и сердце, чтобы каждая из частей могла стать самостоятельным человеком (иметь ум и сердце) и снова начать делиться. Второй способ вытекает из первого: рассечение производится *отражением* (слово, во-первых, имеет также военную семантику, во-вторых, этимологически родственно глаголу *резать*).

Мундир Грушницкого неудобен. Сначала отмечают его манипуляции с галстуком и то, что воротник «узок и беспокоен»: «лицо его *налилось кровью*». Далее Грушницкий говорит: «... как под мышками *режет!*...» (с. 300). Это выделяет руки. Одновременно буквализация значения *резать*

² В «Княжне Мери» Печорин о себе в фуражке тоже не говорит. Но в повести «Бэла» Максим Максимыч при знакомстве с ним замечает: «...к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в *фуражке*» (с. 290).

под мышками порождает картину *перерезания* подмышечных артерии и вены, связанных с *сердцем*³. Это дало бы летальный исход. Из разговора с Печориным о мазурке Грушницкий понимает, что его могут опередить. Он отвечает, «ударив себя по лбу» (с. 301), ср. в Словаре Даля; «*резануть, ударить*» [Даль, 1994, т. 3, стлб. 1765]. Учитывая его *налившееся кровью* лицо, этот удар *по лбу* вызывает в воображении картину залитого кровью лица. На семантику рассечения работает также фр. *coup* ‘удар’, от которого образован глагол *couper* ‘резать, разрезать’ [CNRTL]. Акцент на лоб влечет за собой в системе романа активизацию семантики черепа (анagramматически – *Печорина*) и головы. *Лоб* – это передняя часть свода черепа, ср. также цслав., др.-русск. *льбъ* ‘череп’, словен. *lǎb* ‘череп, лоб’, чеш. *leb*, ‘череп’, польск. *leb* голова’ [Фасмер, 1986, т. 2, с. 507]. Таким образом, рука Грушницкого, с одной стороны, связана с сердцем, с другой – со лбом (черепом, головой).

Грушницкий *сражается с отражением* – одновременно против него и вместе с ним, что влечет появление у взаимно-возвратного глагола *сражаться* несвойственного ему собственно-возвратного значения (как у *умываться*). Сражаясь, Грушницкий *сражает себя*: он *сражен*. Когда позже во время бала Грушницкий разгадывает тайную игру, которую вел против него Печорин, это не добавляет нового к его состоянию: он *потерял голову, а сердце у него разбито и обливается кровью*.

И когда Грушницкий входит к Печорину, и когда смотрится в зеркало, его внешний вид описан *фронтально*. Когда Грушницкий задает Печорину вопрос о том, что тот, по слухам, волочил за княжной, Печорин отмечает, что Грушницкий сказал это «довольно небрежно и *не глядя на меня*» (с. 300). Кажется, что тем самым Грушницкий создает видимость несущественности вопроса. Но взглянем на это с другой стороны и зададимся вопросом: где находится Печорин, когда Грушницкий смотрится в зеркало? С уверенностью можно сказать, что он стоит рядом с зеркалом – это обеспечивает нужный обзор. Одновременно Печорин является продолжением зеркала. Стоило Грушницкому скосить глаза, он увидел бы еще одно свое отражение, своего зеркального двойника, *пораженного* пышным великолепием собеседника. Развитие такой семантики поддерживается языком. На базе лат. *mirar*, также *miro* ‘удивляться, поражаться’ в народной латыни возник глагол *mirare* ‘смотреть’, к которому восходят фр. *miroir*, англ. *mirror* ‘зеркало’ [OED]. Печорин *смотрит* на Грушницкого, он *поражается* и является *зеркалом*. У Лермонтова эта семантика выступает в единстве. Грушницкий его *поражает* – Печорин *сражен наповал*. Сцена с виду совершенно мирная, но на уровне глубинной семантики

³ В Словаре Даля: «Одежда под мышкой режет, жмет и пилит, при движении, острой полосой, краем» [Даль, 1994, т. 3, стлб. 1765].

война идет до конца. Колебания между полюсами войны и мира поддерживаются анаграмматическим тождеством ключевых лексем: *mirror* = *миръ* = *Mary* = *army*. Зеркало соединяет в себе войну и мир, и все они распространяются до пределов всего мира: фр. *miroir* 'зеркало' = *миръ* / *миръ* + англ. *war* 'война'.

Сцена у зеркала – это репетиция. В трансформированном виде она будет повторяться и дальше с актуализацией смысла боевого противостояния – в том числе и как зеркального *отражения*. Слово *репетиция* восходит к лат. *repetitio* 'повторение' от *repeto* 'вновь нападать, опять устремляться'.

«Предчувствие гражданской войны»

Слово *дуэль* восходит к лат. *duellum* 'война', архаичной форме лат. *bellum* 'война'. В средневековой латыни *duellum* под влиянием лат. *duo* 'два' развивает значение 'сражение один на один, по одному с каждой стороны' и потом принимает в зап.-евр. языках семантику поединка по определенным правилам, в котором отстаивается честь одного из противников [OED]. Если в слове *duellum* присутствует семантика двоичности, то в (квази)синонимичных русских обозначениях *дуэли* – *единоборство*, *поединок* [Даль, 1994, т. 1, стлб. 1260] педалирована семантика единичности. В «Княжне Мери» частотность слов *дуэль* и *поединок* одинакова – по 4 раза. *Дуэль* (она же *война*) между Печориным и Грушницким совмещает в себе как значение 'противоборство двух' (по одному от каждой *армии-Мери*), так и 'единоборство' одного со своим двойником, т. е. с самим собой. Одновременно *дуэль* между героями скрытым образом апеллирует к историческим сражениям и связана с мировой историей.

Повторим: последняя дата в «Княжне Мери» – 16 июня. Мы должны восстановить датировку событий. 16 июня слова Грушницкого служат основанием для вызова его Печориным на *дуэль*. Далее бессонная ночь, и 17 июня *дуэль*.

Сама *дуэль* происходит в соответствии с размышлениями Печорина и происходящими перед ней мелкими действиями и событиями – они определяют ход *дуэли* и материализуются в ней. Ночью Печорин ведет воображаемый разговор с Грушницким:

А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяем роли: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. <...> Вы думаете, что я вам без спора *подставлю свой лоб*... но мы *бросим жеребий!*.. (с. 321).

Здесь среди прочего обращает на себя внимание решимость Печорина бросить жребий, логически слабо мотивированное.

Утром перед дуэлью Печорин смотрится *в зеркало*. И хотя он, как и Грушницкий, должен видеть в зеркале не только голову, но и тело, Печорин говорит только о своем лице:

Я посмотрелся в зеркало: тусклая бледность покрывала *лицо мое*, хранившее следы мучительной бессонницы; но *глаза*, хотя окруженные коричневою тенью, *блистали гордо и неутомимо* (с. 322).

Одновременно здесь задается тема зеркальных двойников. Потом после освежающего купания в источнике Печорин размышляет: «После этого говорите, что *душа не зависит от тела!*.. (с. 323). При этом под действием мертвой и одновременно живой воды голова как бы соединяется с телом.

Следуя с доктором Вернером к месту дуэли, Печорин произносит свой знаменитый монолог о том, что в нем *два человека*. Выдвинув требование, чтобы поединок происходил на узкой площадке и чтобы тот, кто будет под дулом пистолета, стоял у самого ее края, Печорин размышляет: «Стреляясь при обыкновенных условиях, *он мог целить мне в ногу, легко меня ранить* и удовлетворить таким образом свою месть...» (с. 326). Когда все взбираются наверх, доктор Вернер щупает у Печорина пульс: он «лихорадочный... но на лице ничего не заметно... только *глаза* <...> *блестят ярче обыкновенного*» (327). Доктор видит Печорина таким же, как он сам видел себя в зеркале – *глаза блистают / блестят*: доктор Вернер занимает место Печорина, а сам Печорин – своего зеркального двойника. Доктор Вернер нелепо одет – «серые рейтузы, архалук и черкесская шапка (с. 323). Он сниженный, комичный вариант черкеса Печорина, его искаженное зеркальное отражение. Учитывая, что *глаза – зеркало души*, то *в глазах Печорина* он черкес, они оба отражают друг друга как двойники. Нащупывая пульс, доктор Вернер устанавливает связь с *сердцем* не только руки Печорина, но и собственной руки.

Прототипическая модель мировой истории: смерть в Риме

Карабкаясь наверх, Грушницкий едва не скатывается вниз, ухватившись за подломившуюся ветку. «Берегитесь! – закричал я ему: – не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните *Юлия Цезаря!*» (с. 327). Это предвестие смерти Грушницкого.

На площадке противники в соответствии с ночными размышлениями Печорина бросают жребий о том, кто будет стрелять первым. Печорин достигает своего тем, что заставляет стреляться на маленькой площадке: в противном случае жеребьевка могла быть излишней: противники одно-

временно сходились бы к барьеру, и право первого выстрела было бы несущественным. Маниакальное желание Печорина «бросить жеребий» усиливает тему Юлия Цезаря и истории Рима. «Жребий брошен», – это слова Цезаря перед переходом через реку Рубикон, по которой проходила северная граница Италии. Переход через Рубикон (через *свою* границу) ознаменовал начало гражданской войны в Древнем Риме (49–45 гг. до н. э.). Важна семантика именно гражданской войны, когда «свои» разделяются на противоборствующих «своих – чужих». Игровое разложение *Руби-кон* высвечивает важные для Лермонтова смыслы. Форма повелительного наклонения *руби* связана с «разрушением», *пере-сечением*, а слово *кон* имеет значения ‘начало, предел, межа’, ‘рубеж, конец’, ‘гибель, смерть’ [Даль, 1994, т. 2, с. 392]. Название *Рубикон* (*Rubico*) восходит к лат. *rubeus* ‘красный’ (ср. *rubefacio* ‘обагрять кровью’). С учетом этих данных слово *Руби-кон* приобретает общее значение *пере-сечения* границы, сопровождающегося пролитием крови и смертью (концом), которая одновременно обеспечивает повторение, является началом. Сам Юлий Цезарь жребия не бросал – это фигура речи. Но Печорин буквализирует ее. В результате и Печорин, и Грушницкий оказываются связанными с Юлием Цезарем, а предстоящая дуэль корреспондирует с войной и миром во всем мире: анаграмма *Мери – арту – мир* соединяется с анаграммой *Римь – мирь / мирь*. Это выводит частный поединок на уровень мировой истории с мерцающей семантикой войны и мира. Одновременно исторические события далекого прошлого отождествляются с раздвоенным «я» Печорина: нем. *ich – mir* ‘я – мне’ при транслитерации с учетом анаграмм дает *их мирь / мирь / Римь / арту*.

Таким образом, история Древнего Рима становится в романе Лермонтова прототипической моделью мировой истории в целом. Идя от антропологии к модели истории, которая была бы приложима к описанию конфликта раздвоенного человеческого «я» как военного противостояния, Лермонтов, обращаясь к основанию Рима, одновременно находит в истории ту самую «двойчатку» людей, которая становится прототипической парой, совмещающей семантику тождества и вражды. Когда Печорин говорит о том, что в нем два человека, он не называет их имен. Но это близнецы *Ромул* и *Рем*. По одной из версий, Ромул убил Рема, когда тот перепрыгнул через проведенную Ромулом черту города, нарушив тем самым границу. Это следствие борьбы за проекцию своего «я» на территорию, установление топографического тождества: *Ромул* назвал основанный им *Рим* (*Roma*) своим именем. *Рим* как *мир* оказывается связанным со смертью как во время своего основания, так и через омонимию слова *мир* и корней *мер-* / *мир-* / *мор-* (*у-мер-еть*, *у-мир-ать*, *мор-ить*). С учетом чередования гласных, *Рим* (*Roma*) одновременно есть *Рем*: территория города остается проекцией двух враждебных «я». Таким образом, *мир* в *Риме*

находится в неустойчивом равновесии, поскольку противоборство продолжается даже после смерти Рема. Ромул установил священную границу Рима – *померий* (*pomerium*) – слово паронимически связано с *помереть*, *померить* и *помирить*. Однако померий не охватывал всей территории Рима. Храм богини войны Беллоны (от *bellum* ‘война’) находился за границей померия, что в завоевательных войнах расширяет *Рим* до *мира*. Прототипическая модель включает и гибель Рима под ударами *варваров*. Лат. *barbarus* (из др.-греч.) – ‘негреческий, неримский, нелатинский’, ‘чужеземный’, ‘иноземец, чужестранец, варвар’. Противопоставление Рима и варваров работает на усиление звучания оппозиции «свой – чужой» и одновременно способствует, с одной стороны, увеличению Рима-мира, с другой – знаменует полную победу «чужого» над ним ⁴.

Таким образом, слово *Рим* во всем многообразии своих языковых связей содержит комплексную семантику, совмещающую противоположные значения единичности, двойственности и множественности, жизни и смерти, войны и мира, города и *мира*, святости границ и их нарушения, прототипического разрастания и полного уничтожения. Обозначением прототипической границы является слово *Рубикон* в силу явной игровой семантики разрубания, рассечения. Антропология и история в прототипической модели истории образуют единый смысловой узел.

Все упоминания выдающихся полководцев в романе: Александра Великого, Юлия Цезаря и – позже – Наполеона, претендовавших на завоевание мира или его части, будут сводиться к прототипической модели, связанной с основанием Рима. Это относится и к Кавказской войне. Раздвоенность человеческого сознания, разворачивающаяся в множественность людей, порождает войну, а любая война является *мировой* / *мировой* с мерцающими смыслами войны и мира.

«Гвардия умирает, но не сдается»

Далее эпизод дуэли мы рассмотрим дважды, двигаясь от явной семантики к скрытой. Полученные результаты будут дополнять друг друга. Дуэль между Печориным и Грушницким с переменой мест дуэлянтами сопрягается с темой зеркальности и четко делится на две части.

Первым должен стрелять Грушницкий. После жребия ночное рассуждение Печорина начинает материализовываться: он теперь может *подставить свой лоб*. Этот фразеологический оборот имеет значение ‘подверг-

⁴ В романе «Княгиня Лиговская» сестру Григория Александровича Печорина зовут *Варварой*, а молодой чиновник, которого Печорин едва не задавил, носит фамилию *Красинский*. Эти имена формируют оппозицию «свой – чужой» и поддерживают семантику преодоления границы (фамилия *Красинский* отсылает к красному цвету – цвету крови).

нужь себя опасности', – слово *лоб* является синекдохой. Однако в сцене дуэли это выражение активизирует свой буквальный смысл. Поведение Грушницкого выдает колебания – его мучает совесть. Сначала он целится Печорину *в лоб* – это полюс головы и ума. Потом опускает пистолет, и, только побуждаемый драгунским капитаном, стреляет – очевидно, не целясь. Печорину пуля только слегка «*оцарапала колено*» (с. 328). Таким образом, Грушницкий даже не ранил Печорина в ногу, как это мысленно представлял Печорин. Следует перемена мест дуэлянтами. К выстрелу Печорина понуждает Грушницкий, угрожая зарезать Печорина из-за угла, если тот его не убьет. «Я выстрелил» (с. 331) – это все. Целился Печорин или нет? И если целился, то куда? Скорее всего, все-таки не целился, ибо был занят разговором. Мы не знаем, куда попала пуля. Мы не знаем, выстрел ли был смертельным, или же Грушницкий был ранен и разбился насмерть, упав с обрыва. В любом случае, при падении он должен был *сломать шею*⁵ / *рассечь голову* / *раскроить череп*. В записке доктора Вернера, которую Печорин получил, вернувшись вечером в Кисловодск, написано: «...пуля из *груди* вынута» (с. 331). Таким образом, Печорин, действуя в рамках понятийной системы романа, попадает Грушницкому в *грудь*, где и расположено *сердце*. Важно, что доктор Вернер, извлекая пулю, должен был *рассечь* грудь Грушницкому. Грушницкий формально гибнет от выстрела, но на уровне глубинной семантики – от *рассечения головы и груди*, – смерть Грушницкого на дуэли сопряжена с телесным рассечением раздвоенного «я». Характер повреждений Грушницкого корреспондирует с ранениями Юлия Цезаря: «И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалась смертельной – вторая, нанесенная в грудь» (82.3) [Гай Светоний Транквилл, 1993]. Первая рана была нанесена в шею. У Грушницкого обратная последовательность ранений. Первой была смертельная рана в грудь, так что ранение шеи (головы) при падении уже не играло роли.

Другая интерпретация сцены дуэли связана с еще одним, игровым, пониманием выражения *подставить свой лоб*, которое даст возможность увидеть систему зеркальных двойников и объяснить ряд моментов, оставшихся непроясненными при первом прочтении. Как известно, княжна Мери не только читала Байрона, но и изучала алгебру. Сцена дуэли связана с игровой рецепцией решения алгебраических уравнений методом *подстановки*. Термин *уравнение* обнажает свое буквальное значение: 'уравнять, сделать дуэлянтов равными, одинаковыми'.

Выстрел Грушницкого. Печорин всего лишь *подставляет свой лоб*, т. е. подвергает себя опасности, скрывая зеркального двойника Грушниц-

⁵ В «Тамани» Печорин описывает спуск с девушкой по отвесному склону: «Не понимаю, как я не сломил себе шеи...» (с. 258).

кого. Без *подстановки* Печорина двойник не обнаружил бы своего существования. Это становится возможным потому, что сам Печорин является зеркалом: *Грушницкий видит в нем себя*. Таким образом, Грушницкий одновременно стреляет в Печорина и/как в своего двойника. Становится понятным, почему пуля слегка оцарапала колено: Грушницкий, только что вылечивший ногу, так маркирует своего двойника. Мы не знаем, на какую ногу хромал Грушницкий, но, с учетом того, что Печорин примерял на себя роль Байрона, то у него, как (и) у двойника Грушницкого, пуля оставила царапину на правом колене. Получается, что сам Грушницкий хромал на левую ногу.

Выстрел Печорина. Он стреляет в Грушницкого, но одновременно должен участвовать в *подстановке*. Так как физически он не может самому себе *подставить лоб* в ситуации дуэли (в другой ситуации это сделает Вулич), это делает его зеркальный двойник. Грушницкий – зеркало, *в нем Печорин видит себя*. Выстрел Печорина порождает проблему, которой не было в случае выстрела Грушницкого, в силу того, что ноги – парные части тела, а сердце – одиночный орган в левой части груди. У зеркального отражения сердце будет в геральдически правой части груди. Печорин, следуя заданной доктором Вернером стратегии, стреляет своему зеркальному двойнику в пульсирующее сердце – в правую часть груди, но у Грушницкого сердце расположено слева. Поэтому Грушницкий получает пулю не в сердце, а в грудь, точнее, в правую сторону груди, откуда доктор Вернер пулю и извлекает. Но, поскольку Грушницкий одновременно зеркальный двойник Печорина, то у этого двойника пуля извлекается *из сердца*, из правой стороны груди. Сечение виртуально проходит через сердце как орган чувств. Склонившийся над телом доктор Вернер является двойником двойника: в зеркальном отражении сердце у доктора в левой стороне груди. И разве не *разрывается его сердце?* И разве он не *ломает голову* над местоположением сердца в лежащем перед ним теле – то в левой, то в правой стороне груди?

Скрыто присутствующая *нумерованная* фуражка и пуговица участвуют в порождении пораженной *армии*: *номер = N умер*, где *N* может принимать значение любого числа натурального ряда. *Умер* возвращает нас к прототипической модели мировой истории, к *Риму*.

«Все врут календари»?

Вернувшись после дуэли домой уже вечером, Печорин читает прощальное письмо от Веры и скачет за ней в ночь. О том, что это Кавказская война, говорит то, что жертвой Печорина становится не только Грушницкий, но и загнанный Черкес. Печорин проходит обратно пешком пятнадцать верст: «Я возвратился в Кисловодск в 5 часов утра, бросился на по-

стель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо» (с. 335). Это утро 18 июня. Лермонтов синхронизирует эту скрытую дату с действительной датой поражения Наполеона в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. При этом не проводится различий между юлианским и григорианским календарями, как нет отличий между Грушницким и Печориным: Грушницкий и Печорин связаны с *Юлием Цезарем* (которым был введен *юлианский календарь*), а имя *Григория* Печорина совпадает с именем Папы римского *Григория XIII*, введшего в оборот *григорианский календарь*.

Если Печорин – Наполеон, то *Грушницкий* – конечно, маршал Эммануэль *Груши* (*Emmanuel Grouchy*), который не пришел на помощь Наполеону в битве при Ватерлоо и, как считал Наполеон, был виноват в поражении. В качестве разгромленной *армии* выступает и княжна Мери (*army*). Утром 19 июня Печорин прощается с ней и через час уезжает в крепость *N*. Но, как Наполеона, его одновременно ждет изгнание на остров св. Елены, куда он, надо полагать, и отправляется «на разбойничьем бриге» (с. 338). (Кстати, именно на английском бриге отплыл Джордж Байрон в Грецию на помощь повстанцам.) Это позволяет наконец объяснить нестыковку между временем отъезда Печорина из Кисловодска 19 июня и появлением в крепости только осенью. Дело в том, что Наполеон вступил на остров св. Елены 17 октября 1815 г. Значит, и Печорин прибыл в крепость 17 октября. Через полтора месяца – в начале декабря – он дописывает «Княжну Мери», где и рассказывает о дуэли. Таким образом, описание дуэли представляет собой мемуары. Печорин является Юлием Цезарем, пишущим «Записки о гражданской войне» – *Commentarii de bello civili (Bellum civile)*. Печорин не может здесь выступать Наполеоном – тот не писал мемуары сам, а диктовал их. Возвращаясь в памяти к прошедшей дуэли и описывая ее в крепости, Печорин одновременно пишет о войне (*bellum*) и предсказывает появление *Бэлы*. Оказавшись в крепости и одновременно на острове св. Елены, Печорин (уже Парис, носивший также имя *Александр*) похищает Елену Прекрасную. Это – *casus belli*, повод для объявления Троянской войны. *Casus belli* становится войной – *Бэлой*. Похищение Бэлы корреспондирует также с похищением сабинянок, а превращение крепости *N* в своеобразный храм Бэлы-Беллоны усиливает звучание прототипической исторической семантики Древнего Рима.

Фатальный исход

В повести «Фаталист» спор о предопределении является еще одним способом трансляции и разработки основных понятийных констант романа. Слово *предопределение* этимологически связано с (*раз*)*делением* и *предделом* (границей). Это предопределяет место действия повести, специфику игры, которую затевает Вулич, и характер его смерти.

В «Фаталисте» соединены тема войны, связанная с пересечением границы, и тема карт. В начале повести читаем:

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты (с. 338).

Судя по описанию, станица располагалась на левом фланге, который был частью Кавказской укрепленной линии, т. е. *пограничной* территорией, рубежом. Левый фланг включал в себя Терскую и Нижне-Сунженскую линии, Кумыкскую плоскость и Чечню, с передовой Чеченской линией⁶. Ведение боевых действий (вероятно, на том же левом фланге) подтверждается встроенным в повествование эпизодом, в котором рассказывается о том, как страстный картежник Вулич доиграл партию в условиях объявления тревоги: случилось ночное нападение чеченцев, нарушивших тем самым границу. «Когда он явился в цепь, там была уж сильная перестрелка. <...> он отыскивал своего счастливого понтёра» (с. 340). Отдав долг, Вулич хладнокровно участвует в деле. Это единственный (!) эпизод в романе, где прямо описаны военные действия, что придает ему особую значимость.

Центральные события повести начинаются с игры в карты, которая переходит в разговор о предопределении и пари между Печориным и Вуличем. Семантика войны и карт в последующих событиях не исчезает: она переходит на глубинный уровень. Скрытая семантика *пересечения* границы корреспондирует с *рассечением* Вулича. Все смысловые составляющие продуцируются встроенным в систему романа прототипическим словом *Рубикон*. Слово *кон*, помимо отмеченных ранее значений предела, начала, конца и смерти, имеет также значения, связанные с играми, в том числе карточными. *Рубикон* одновременно активизирует представление об истории *Рима – мира – мира*. Пари между Печориным и Вуличем и его продолжение разрастаются до события мировой истории.

Если в «Княжне Мери» буквализация выражения «Во мне два человека» показана через рассечение Грушницкого скрыто, то в «Фаталисте» это сделано более явно. Задействованы те же топосы головы и сердца. Вулич сначала стреляет себе *в лоб* – осечка. Слово *осечка* родственно глаголам *сечь*, *рассечь*, поэтому – на уровне глубинной семантики – *голова* Вулича *рассечена*. Дело довершает пьяный казак, который, столкнувшись с Вуличем на улице, убивает его, разрубив «от плеча почти *до сердца*» (с. 345).

⁶ См.: [Мануйлов, 1981]; Кавказская линия // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Kavkazskaja-linija-112084.html>

Выделенность *лба* в трех рассмотренных случаях (у Грушницкого перед зеркалом, у Печорина на дуэли и у Вулича) мотивирована, помимо указания на ум и сознание, тем, что лат. *frons, frontis* 'лоб', 'лицо', 'передняя сторона' при заимствовании в зап.-евр. языки развило значение 'воен. фронт'. Во всех трех эпизодах герои вступают в военное взаимодействие со своими противниками-двойниками (Вулич сначала – с собой как *другим*). *À la guerre comme à la guerre*. На войне как на войне.

Тема карточной игры не только работает на усиление звучания проблемы предопределения и случая. Само развертывание сюжета является буквализацией выражения *резать в карты*. С другой стороны, эксцентричный поступок страстного игрока Вулича на скрытом уровне мотивирован тем, что он приходит к пониманию карточной игры как военного сражения, в начале которого *карты сдаются*. Поэтому он начинает *свою* игру, где игроки – карты, которые *не сдаются*. Это касается Вулича, Печорина и казака, – Печорин *не сдается* перед задачей разоружить казака, который *не сдается*⁷. Стреляя себе в лоб, Вулич *стоит насмерть*. У него *голова на кону*. Он и дальше *стоит до конца*. *Он умирает, но не сдается*. Печорин, характеризую Вулича в начале повести, пишет, что тот имел «вид существа особенного, неспособного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи» (с. 339). Но в результате пари Вулич телесно разделяется и, следовательно, *делится мыслями (головой) и страстями (сердцем)*. Он делится (разделяется) с товарищами, следовательно, они тоже делятся (разделяются) головами и сердцем. Это множит армию (*арту*) двойников. *Они умирают, но не сдаются*. Последними словами Вулича были «Он прав» (с. 345). Тем самым Печорин становится зеркальным отражением *левого* фланга.

Принципиальную роль играют возможности, задаваемые игровыми потенциями самого слова *игра* в ряде языков. Продуцируемые при этом смыслы сопрягаются с центральными понятийными константами романа. Слово *игра* является анаграммой слова *герой* и тем самым связано с названием романа «Герой нашего времени». Анаграмматический переход к ит., исп. *guerra*, фр. *guerre* задает тему войны, а переход к *Егор (Георгий, Григорий)* фиксирует связь с самим Печориным. Следующие языковые переходы позволяют связать тему игры с переходом от единичности «я» к порождаемой им множественности и их отождествления. Фр. *jeu* 'игра' омофонично фр. *je* 'я'. Одновременно лат. *ludus, ludi* 'игра' позволяет перейти к русск. *люди*. В итоге, *я = люди*.

Это дает возможность под новым углом посмотреть на название романа «Герой нашего времени», позволяющим поставить в соответствие «героя» и «нас»: *герой = игра = я = люди*. В то же время *мы = люди*. Прочтение,

⁷ Есаул говорит о казаке: «...он не сдается – я его знаю» (с. 346).

которое бьет в *сердцевину* понятийной системы романа, связано с соположением «я» героя и двойственного «мы». Местоимение «мы» включает в себя «я». В сумме с «я» героя это дает раздвоенное «я» Григория Александровича Печорина. Он – «Герой («я») нашего (со вторым моим «я») времени». Здесь *время* выступает в индивидуально-личном значении. *Григорианский* календарь как календарь *Григория* Печорина раздвигает границы исторического времени в прошлое и будущее, но время при этом остается личным.

Силой своего гения Лермонтову удалось найти путь художественного воплощения проблемы человеческого сознания, придав ей скрытое историко-философское измерение. Он создал трагический и одновременно чарующий роман, который продолжает и продолжает волновать нас, потому что сумма того, что подвластно нашему *пониманию*, всегда меньше того, что остается невидимым и *ощущается* как тайна.

Август 2014 – август 2017

Список литературы

- Вайль П., Генис А. Печоринская ересь. Лермонтов // Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М.: Независимая газета, 1991. С. 78–86. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura.txt>
- Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты). М.: Наука, 1993. URL: <http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/suetonius.pdf>
- Геллер Л. Печоринское либертинство // Логос. 1999. № 2. С. 98–110. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999-02-12.htm>
- Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, Универс, 1994.
- Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6.
- Мануйлов В. А. Кавказская линия // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/Lre-abc/>
- Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 599–648.
- Силади Ж. Тайна Печорина (Семантическая структура образа героя в романе М. Ю. Лермонтова) // Slavica tergestina. 3. Trieste, 1995. С. 55–71. URL: <https://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/3956/1/Szilagyvi%20Slavica%2003.pdf>

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. плюс доп. 16 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. URL: <https://shansky.lexicography.online/>

Эйхенбаум Б. Лермонтов: опыт историко-литературной оценки. Л.: Госизд-во, 1924.

CNRTLE – Centre National de Ressources Textuelles et Lexical. Etymologie. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/>

Liddell H. G., Scott R. A Greek – English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1940. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=ma/xh>

Liddell H. G., Scott R. An Intermediate Greek – English Lexicon. N. Y.: Harper & Brothers, 1889. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0058:entry=ma/xh>

OED – Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>

Article metadata

Title: *Bela's Causus* (Historiosophy of Anthropology in “A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov)

Author: M. A. Dmitrovskaya

Author's e-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Author affiliation: I. Kant Baltic Federal University

Abstract. The article deals with the conceptual system of M. Yu. Lermontov's novel “A Hero of Our Time”. It is shown that Pechorin's double consciousness is caused by a conflict between mind and heart. His double consciousness is personified and generates characters that come into conflict with each other. All of them are Pechorin's doppelgängers. Doppelgängers are rendered by different means of representation and mind-heart opposition as well as explicit or implicit application of a mirror principle. The opposition among characters on the level of implicit semantics is represented as warfare and fighting activities. Anthropology and historiosophy are closely connected in the novel. The absence of explicit portrayal of the Caucasian War in the novel is due to the fact that warfare is internalized and identified with the internal struggle between two instances of the human psyche. In the novel the notion of a *frontier* is of a particular relevance: double consciousness is projected on the topography. Waging war implies a frontier crossing (*cross-section*) and repelling an invader (russ. *otrazheniye* ‘reflection’). On the level of anthropology it corresponds to the annihilation of a doppelgänger coupled with a corporal *dis-*

section (cross-section): a section passes through a head and heart (breast), – thought-producing and sense organs, generating double consciousness. Thus, a virtual frontier between “I” sections is materialized and blood-colored similar to a frontier between territories. It gets its most vivid representation in “Fatalist”. The conceptual core of the novel contains a prototypical historical model, highlighting the history of Rome (its foundation by Romulus, who killed his twin brother Remus, the fall of Rome under impacts of barbarians), Julius Caesar’s crossing the Rubicon River and Caesar’s assassination in the Senate House. In each story of the novel it gets its individual plot and language representation. The reconstruction of the prototypical historical model is based on the analysis of semantic potential of characters’ naming, including proper names, the motive structure, the plot line and the language which incorporates a multilingual code. The references to grand generals, historical events and the Caucasian War link the events in the novel with the events of the world history. The prototypical historical model combines the opposing meanings of war and peace, local and global space, “ours” and “theirs”, a frontier and its crossings, life and death. This model contributes to the understanding of the correlation between individual and historical time and revealing a time marking calendar of the novel. The Julian and the Gregorian calendars are identified. The Gregorian calendar becomes Grigory Alexandrovich Pechorin’s calendar. Given this fact along with the protagonist’s double consciousness, his doppelgängers and their subsequent multiplication, the title of the novel “A Hero of Our Time” can be interpreted in a variety of ways.

Key terms: M. Yu. Lermontov, “A Hero of Our Time”, problem of consciousness, doppelgängers, anthropology, historiosophy, problem of time, conceptual system, proper name, multilingual code, language game, anagram.

Reference literature (in transliteration):

Centre National de Ressources Textuelles et Lexical. Etymologie. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/>

Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy: In 15 vols. plus add. 16 vol. [Complete works]. Moscow, Gospolitizdat, 1947, vol. 3. (in Russ.)

Dal’ V. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: In 4 vols. [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Moscow, Progress, Univers, 1994. (in Russ.)

Eikhenbaum B. Lermontov: opyt istoriko-literaturnoy otsenki [Lermontov: An attempt of historical and literary evaluation]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1924. (in Russ.)

Fasmer M. Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka: In 4 vols. [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow, Progress, 1986. (in Russ.)

Gaius Suetonius Tranquillus. Zhizn’ dvenadtsati tsezarey [The Lives of the Twelve Caesars]. Moscow, Nauka, 1993. URL: <http://militera.lib.ru/bio/0/pdf/suetonius.pdf/> (in Russ.)

Griboedov A. S. Polnoe sobranie sochineniy: In 3 vols. [Complete works]. St. Petersburg, Notabene, 1995, vol. 1. (in Russ.)

Gueller L. Pechorinskoe libertinstvo [Pechorin's libertinism]. *Logos*, 1999, no. 2, p. 98–110. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999-02-12.htm/> (in Russ.)

Lermontov M. Yu. Sochineniya: In 6 vols. [Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1957, vol. 6. (in Russ.)

Liddell H. G., Scott R. A Greek – English Lexicon. Oxford, Clarendon Press, 1940. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=ma/xh>

Liddell H. G., Scott R. An Intermediate Greek – English Lexicon. N. Y.: Harper & Brothers, 1889. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0058:entry=ma/xh>

Manuilov V. A. Kavkazskaya liniya [North Caucasus Line]. *Lermontovskaya Entsiklopediya [Lermontov Encyclopedia]*. Ed. by V. A. Manuilov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1981. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/Lre-abc/> (in Russ.)

Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>

Pumpyansky L. V. Lermontov. *Pumpyansky L. V. Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoy literatury [Classical tradition: Collected works on the history of Russian literature]*. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 2000, p. 599–648. (in Russ.)

Shanskiy N. M., Bobrova T. A. Shkol'ny etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhenie slov [School etymological dictionary of Russian language. Words origin]. Moscow, Drofa, 2004. URL: <https://shansky.lexicography.online/> (in Russ.)

Siladi Zh. Taina Pechorina (Semanticheskaya structura obraza geroya v romane M. Yu. Lermontova) [The Mystery of Pechorin (Semantic structure of the protagonist image in the novel by M. Yu. Lermontov)]. *Slavica tergestina*, 3, Trieste, 1995, p. 55–71. (in Russ.)

Vajl' P., Guenis A. Pechorinskaya yeres'. Lermontov [Pechorin's heresy. Lermontov]. *Vajl' P., Guenis A. Rodnaja rech: Uroki izjashchnoi slovesnosti [Native speech: Lessons of belles-lettres]*. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1991, p. 78–86. (in Russ.)